

Авреем проснулся от звука машин и резкого запаха горячего металла. Он лежал на жёсткой металлической каталке и смотрел в потолок, выложенный тёмно-зелёными керамическими плитками. Сильно пахло антисептиками и ладаном, и ещё ощущался неприятный аромат горелого мяса и палёных волос. Он моргнул, и глаза зафиксировали бинарные локаторы в стенах.

— А, ты очнулся, — произнёс металлический голос, приглушённый просторным капюшоном.

Авреем попытался сесть, но не смог пошевелить руками и ногами.

— Почему я не могу двигаться? — спросил он, ещё не встревоженный таким поворотом событий.

— Ты до сих пор остаёшься под воздействием мышечных релаксантов и успокоительных препаратов, — ответил голос. — Вполне нормально испытывать небольшую дезориентацию после хирургической операции.

— Операции? Какой операции?

— Что ты помнишь об атаке эльдар?

— Последнее, что я помню — ужасная боль...

— Моя рука! — выдохнул он, пытаясь повернуться и посмотреть на неё. Голова не сдвинулась ни на миллиметр, но на самом краю зрения он увидел пару медицинских сервиторов, которые склонились над его плечом. Также рядом парили несколько хирургических серво-черепов, оснащённых быстро сшивающими кронциркулями и лазерами для пересадки нервных тканей.

— Не волнуйся, операция завершилась успешно, — сказал голос.

— Что вы сделали со мной?! — закричал Авреем. — Вы же не превратили меня в сервитора?!

— В сервитора? Аве Деус Механикус, нет!

— Тогда что вы сделали?

— Починили тебя, — ответил голос, и его владелец склонился над Авреемом, когда серво-черепа улетели. Медицинские сервиторы забрали оборудование и несколько похожих на почки мисок, заполненных чем-то напоминавшим куски почерневшего горелого мяса.

— Это моя рука? — спросил Авреем.

— Ваша рука, — согласился жрец в капюшоне и Авреем узнал надсмотрщика Тота Мю-32. — Её невозможно было спасти и от неё избавились вместе с остальным биологическим материалом, пострадавшем при атаке.

— Император, — потрясённо произнёс Авреем, пытаясь справиться с дыханием. — Моя рука...

Безликая серебряная маска и бледно-голубая оптика Тота Мю-32 сумели передать удивление.

— А, конечно, — сказал он, нагнувшись к булькающей машине, которую Авреем не видел. Включился шипящий помповый механизм и потрескивающий энергетический гул, который Авреем слышал на заднем фоне, стих.

Тепло и чувствительность почти сразу вернулись к рукам и ногам Авреема, и он сжал пальцы, наслаждаясь ощущением движения, пока не понял, что произошло невозможное.

Он сжал пальцы обеих рук.

Авреем резко сел, на секунду почувствовав тошноту, и борясь с остаточным эффектом лекарств в крови. Он сидел на операционном столе в медицинском отсеке, облицованном зелёными плитками, и смотрел на ряды серебряных верстаков, отделения для трупов и свисавшее оборудование с таким количеством лезвий, дрелей и зажимов, что оно напоминало пыточные механизмы.

— У меня новая рука, — произнёс он.

Его правую руку изготовили из тёмного металла с бронзовым кожухом на месте соединения плоти и машины. Пальцы были из сегментированной бронзы, а локоть сферическим шарниром, который вращался на триста шестьдесят градусов. Авреем сжал новые пальцы и обнаружил, что они реагируют несколько медленнее, чем из плоти и крови, но по-прежнему способны выполнять все необходимые движения.

— Не самая изысканная аугметика, но, к сожалению, она лучшее из того, что я мог сделать, — сказал Тота Мю-32.

— Вы сделали её? — спросил Авреем. — Почему?

Тота Мю-32 усмехнулся. — Ты и в самом деле не помнишь?

— Не помню что?

— Как убил военного лидера эльдар?

— Я помню, что выстрелил в него из оружия Хоу... Я имею в виду из плазменного пистолета.

Тота Мю-32 проигнорировал принадлежность оружия и произнёс. — Точно. Этому пистолету было шестьсот лет и в его энергетической батарее почти не осталось пикоджоулей. И плазменная катушка проржавела настолько, что он вообще не должен был выстрелить.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

Тота Мю-32 подался вперёд и его голос опустился до заговорщического шёпота. — Я хочу сказать, что они правы насчёт тебя, Авреем Локк. Ты — избранный Машиной. Омниссия наблюдает за тобой и в тебе живёт искра Его божественного огня.

— Нет, — возразил Авреем, покачав головой. — Вы ошибаетесь. Не знаю, как пистолет выстрелил, но это не имеет ко мне никакого отношения. Простая случайность, неожиданная удача.

— Тогда как ты объяснишь это? — спросил Тота Мю-32, указав за плечо Авреема.

Авреем обернулся и увидел убийцу в железной маске, который за считанные мгновения изрубил воинов-эльдар. Его телосложение вернулось к почти нормальному состоянию, но он всё ещё выглядел невероятно мускулистым и безумно мощным. На нём было чёрное облачение и пара серых роб, а также тяжёлые подбитые железом ботинки. Извивавшиеся серебряные цепи втянулись в бронзовые перчатки, и поэтому казалось, что руки заканчиваются тонкими когтями.

Красный Символ Механикус на лбу напоминал пылающий третий глаз и, заметив взгляд Авреема, человек обнажил мерцающие клыки.

— С вашего позволения, — прорычал он, склонив облачённую в металл голову.

— Что это? — спросил Авреем, ощущая смертельное чувство повышенной опасности, исходящее от биологической машины-убийцы.

— Аркофлагеллант, — ответил Тота Мю-32. — Твой аркофлагеллант.

Громкие гимны восхваления Омниссии в Его аспекте Дарующего Жизнь эхом разносились по храму-кузне магоса Тарентека, пока тяжёлые поршневые краны по выверенной медленной дуге поворачивали производственную колыбель из горизонтального положения в вертикальное. Фабрикатус ковчега лично перемещался по потолочным рельсам со скоростью, которая соответствовала подъёму производственной колыбели. Тарентек представлял собой интегрированную коллекцию монтажного оборудования, свисавших строительных манипуляторов, механического подъёмника и кабины, откуда его биологические компоненты могли наблюдать за работой многочисленных кузниц.

Добиться столь многого и за столь короткое время — не что иное, как чудо, и оглушительные гимны и каскады бинарного кода являлись благодарственными молитвами Богу Машине за удачное завершение работы фабрикатуса. На любом другом корабле, кроме Сперанцы это было бы невозможно, но Тарентек не просто достиг невозможного, а сделал это раньше срока.

Листы брезента упали с колыбели подобно парусам океанских судов, а под давлением воздуха отсоединили причальные тросы. Перевернули чаны с благословенными маслами и смазками, и крестильный дождь пролился на отремонтированные листы тяжёлой брони и воина, вернувшегося к прежней славе.

Едва результат великого технического подвига Тарентека явил себя, как военные рога титанов приветственно взвыли, заглушив толпы жрецов, последователей и магосов, которые помогли богу-машине легио Сириус вернуться из лап смерти.

“Амарок” и “Вилка” не могли стоять спокойно, “Псов войны” тянуло к собрату по стае.

И “Канис Ульфрика” тяжело шагнул с производственной колыбели, эхо от скрежета когтистой ноги вызвало ещё больше льстивых и приветственных криков. Эрикс Скамёльд вывел возрождённого и восстановленного “Разбойника”, серая, синяя и золотая броня ничем не отличалась от той, что была прежде.

Раны Лунной Сини полностью исцелились и новый окровавленный баннер свисал с капавшего маслом корпуса. Физическое напоминание об унижении стёрли, но психические последствия были далеки от исцеления и Скамёльд остановил “Канис Ульфрика”, изучая волчью маску титана лидера стаи.

“Луна Капиталина” возвышалась над всеми, наблюдая, как тысячи адептов Культа Механикус копошатся у её ног. На краткий миг сенсорный призрак мелькнул в манифольде “Владыки войны”, слишком незначительный, чтобы его заметил кто-то кроме старших принцепсов, слабое био-эхо давно поверженного врага.

“Канис Ульфрика” отвёл ворчащую морду и опустил плечи, почувствовав эхо в манифольде. Взгляды “Разбойника” и “Владыки войны” встретились, и мгновение молчаливого единства промелькнуло между исключительными разумами, заключёнными внутри амниотических резервуаров.

“Канис Ульфрика” склонил голову в знак подчинения.

И только Зимнее Солнце знал, как неохотно он это сделал.

Изображения прокручивались по оптическим системам магоса Блейлока, застывшие мгновения истории, запечатлённые для потомков и будущих потенциальных отчётов о его жизни и свершениях. Века данных хранились в катушках экзо-памяти и десятилетия в схемах внутри черепа. Жизнь Блейлока состояла из одних успехов и верной службы, и он создаст и

сохранит всеобъемлющий отчёт об экспедиции Котова для запросов, которые непременно последуют.

Он не испытывал ни малейшей личной неприязни к Лекселю Котову, но знал, что его организационные способности и навыки статистического анализа намного превосходят аналогичные умения архимагоса. Потеря трёх миров-кузниц была непростительной, и Блейлок с высокой степенью статистической уверенности знал, что, обладая ресурсами марсианских кузниц Котова, он сможет расширить власть Адептус Механикус в регионах космоса, которым ещё только предстоит полностью раскрыть свой потенциал.

Но это амбиции для будущего.

Сначала экспедицию необходимо дискредитировать и Блейлок полагал, что нашёл первое оружие.

Он бегло просматривал изображения, сделанные в каюте Робаута Сюркуфа: бессмысленные благодарности военной службы Ультрамара, патенты на офицерский чин Флота и эмблемы различных линейных кораблей. Изображения мелькали с импульсом мысли, записанные картинки быстро сменяли друг друга, как в детской анимационной тетрадке.

Наконец он нашёл изображение, которое искал, и то, что до сих пор было только подозрением, вызванным аномальным несоответствием данных в записях манифольда, превратилось в уверенность, когда он увеличил масштаб документа, висевшего над столом вольного торговца.

Каперское свидетельство с аккредитацией сегментума Пацификус и крылатым орлом командования сектора Бакка представляло собой сложный многомерный гололит с многочисленными глубокими слоями шифрования, которые практически невозможно было подделать.

Практически невозможно, но не полностью невозможно.

Инфокровоток Блейлока раздулся от того, что для жреца Механикус напоминало удовольствие.

Каперское свидетельство Сюркуфа было фальшивым.

Чёрные Храмовники склонили головы в молитве, шесть убитых горем воинов стояли на коленях в одном из немногочисленных храмов "Сперанцы", посвящённых исключительно славе Императора. Все они сняли доспехи, голые спины космических десантников были иссечены кнутами и цепями с крючьями для умерщвления плоти. Густые сгустки липкой крови стекали по ободранной коже, и брат-сержант Танна знал, что никакой боли не хватит, чтобы искупить их поражение.

Реклюзиарх погиб, и никто из них не обнажил клинок в его защиту.

Чёрные Храмовники стали воинами без места, которое могли назвать своим домом, они лишились духовного лидера и всего, что связывало с прошлым и долгом. “Сперанца” — не их корабль, а её обитатели — не их люди. Шесть воинов — вот всё, что осталось от крестового похода Шрама, и Танна не мог не думать о том, что после со смерти Элия во Вратах Дантиума на них лежит проклятье.

Смерть чемпиона Императора стала невообразимой потерей для Чёрных Храмовников, и хотя Кул Гилад утверждал, что крестовый поход Шрама не является ни епитимьёй, ни наказанием было трудно с ним согласиться. Отрезанные от собратьев-крестоносцев и пойманные в ловушку на противоположной стороне галактики они оказались настолько одинокими, насколько это вообще возможно.

И всё же у них оставался шанс продолжить дело Великого крестового похода, шанс принести свет Императора тем, кто не познал благословенного знания о его существовании. Сержант пытался смягчить этой мыслью боль от гибели Кул Гилада, но для остальных рана была ещё слишком свежей и кровоточащей. Никакие его слова не излечат их разбитую гордость и оскорблённую честь.

Танна проклял свою ограниченность. Он был сержантом, лидером сражения, который знал, как следовать приказам и заставить окружающих исполнить их. Но что им остаётся, если некому отдать эти приказы и наполнить сердца огнём и кровью? Танна не был великим оратором, великим новатором тактики или философии.

Он был непоколебимым в бою, грозным бойцом и надёжным убийцей.

Он не был лидером, и остальные воины знали это.

Впервые после вступления в батальную роту Танна чувствовал себя совершенно одиноким.

Хотя он сражался и проливал кровь вместе с этими героическими воинами добрую половину двух веков, Танна понимал, что неразрывные узы доверия между ними разорваны. Варда сказал, что не осуждает его за приказ запустить “Барисан” и направить “Громовой ястреб” сквозь гравитационные штормы к “Сперанце”, но между двумя братьями появилась тонкая и расширяющаяся трещина.

И хотя Варда был обычным боевым братом, он также являлся чемпионом Императора их крестового похода, и это придавало ему статус, который никто не мог игнорировать несмотря ни на какое звание.

Танна громче запел молитвы, его грудь, плечи и спину покрывали раны позора, которые он нанёс себе. В одной руке он сжимал колючую цепь, а в другой боевой клинок. Они были влажными от его крови. Сержант обратился к воинам и их холодные взгляды причинили ему большую боль, чем любые увечья.

— Доверься Императору в час битвы, — произнёс он, возвращаясь к ритуальному катехизису.

— Доверь Ему свою защиту и приложи все свои силы к истреблению богомерзких Его врагов.

— Пусть моря станут багровыми от крови убитых нами.

Танна нарушил традицию и произнёс последнюю фразу боевой клятвы вместе с остальными.

— Сокруши их мечты и надежды. И обрати все их песни в стоны по погибшим и предсмертные крики.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657672>